

УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС

Научная статья
УДК 343.13

doi: 10.17223/23088451/26/10

УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС КАК РАЗНОВИДНОСТЬ ИНФОРМАЦИОННОГО ПРОЦЕССА

Ольга Ивановна Андреева¹, Александр Михайлович Баранов², Анна Васильевна Кудрявцева³

¹ Национальный исследовательский Томский государственный университет, Томск, Россия, andreevaoi_70@mail.ru

² Южно-Уральский государственный университет, Челябинск, Россия, baranowam@list.ru

³ Северо-Западный филиал РГУП им. В.М. Лебедева, Санкт-Петербург, Россия, acifna@mail.ru

Аннотация. Рассматривается влияние цифровизации на уголовно-процессуальные правоотношения и на развитие уголовно-процессуального права. Авторы пришли к выводу о необходимости разграничивать использование цифровых технологий, как составной части делопроизводства, влияющих на характер уголовно-процессуальной деятельности и складывающихся правоотношений. Доктринальное понимание современного уголовного процесса должно исходить из его информационной сущности. При информационной сущности/природе уголовного процесса приоритетным становится обнаружение, сохранение, передача и использование достоверной информации.

Ключевые слова: цифровизация, информация, понятие уголовного процесса, уголовный процесс, достоверность, допустимость доказательств, ИИ

Для цитирования: Андреева О.И., Баранов А.М., Кудрявцева А.В. Уголовный процесс как разновидность информационного процесса // Уголовная юстиция. 2025. № 26. С. 53–59. doi: 10.17223/23088451/26/10

Original article

doi: 10.17223/23088451/26/10

CRIMINAL PROCEDURE AS A TYPE OF INFORMATION PROCESS

Olga I. Andreeva¹, Aleksandr M. Baranov², Anna V. Kudryavtseva³

¹ National Research Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation, andreevaoi_70@mail.ru

² South Ural State University, Chelyabinsk, Russian Federation, baranowam@list.ru

³ North-Western Branch of the Lebedev Russian State University of Justice, St. Petersburg, Russian Federation, acifna@mail.ru

Abstract. Based on the informational nature of criminal procedure, the authors conclude that it is necessary to distinguish between two regulatory frameworks: the application of digital technologies for document workflow management (governed by administrative instructions) and their application in ways that affect the character of criminal procedural activities and legal relations (which must be governed by substantive criminal procedure law). The authors emphasize that the doctrinal understanding of the contemporary criminal process must be grounded in its informational essence. From this perspective, the priority in criminal procedure becomes the discovery, preservation, transmission, and use of reliable information. Consequently, the authors propose the following definition: Criminal procedure is a state-regulated activity for the collection, verification, preservation, transmission, and use of information about a crime and its perpetrators, aimed at the administration of justice. This activity is implemented through criminal procedural relations governed by the norms of criminal procedural law.

Keywords: digitalization, information, concept of criminal procedure, criminal procedure, reliability, admissibility of evidence, AI

For citation: Andreeva, O.I., Baranov, A.M. & Kudryavtseva, A.V. (2025) Criminal procedure as a type of information process. *Ugolovnaya yustitsiya – Russian Journal of Criminal Law*. 26. pp. 53–59. (In Russian). doi: 10.17223/23088451/26/10

Искусство судопроизводства есть не что иное,
как искусство пользоваться доказательствами.

И. Бентам

Кто владеет информацией, тот владеет миром.

Приписывается Ф. Бэкону, А. Ришелье, Д. Ротшильду, У. Черчиллю

Сегодня изучение большинства дисциплин в вузе начинается со знакомства с понятием изучаемого предмета. Освоение дисциплины уголовного процесса не яв-

ляется исключением. По сложившейся традиции рассматриваются понятие, сущность и значение/назначение уголовного процесса.

Между тем в последнее время в ряде учебных изданий, посвященных уголовному процессу, обнаруживаем попытку авторов отказаться от формулирования понятия в виде «классического» определения [1. С. 19–22; 2. С. 32–34]. Авторы раскрывают сущность, правовую природу, содержание, форму и назначение уголовного процесса, проводят сравнение терминов «уголовный процесс» и «уголовное судопроизводство». Этот подход, конечно же, есть отступление от «традиционной» формы раскрытия того или иного понятия. Но он вполне объясним в текущих условиях. По мнению профессора Л.В. Головки, такая ситуация объясняется тем, что в России нет консенсуса на уровне уголовно-правовой и уголовно-процессуальной политиками между моделями «контроля над преступностью» и «соблюдением должной правовой процедуры» [2. С. 57]. Современная уголовно-процессуальная политика находится в становлении, и говорить о ее концептуальном оформлении рано [3. С. 4].

Современная наука уголовного процесса в вопросе определения понятия уголовного процесса, его сущности, как представляется, исчерпала свои возможности. За последние десятилетия научная мысль не смогла предложить ничего нового, кроме различного сочетания сформулированных в XIX в. и первой половине XX в. доктрин понятия уголовного процесса, рассматривающих его: как вид государственной деятельности, закрепленный в законе, и складывающиеся правоотношения; как деятельность, облеченную в уголовно-процессуальную форму, предусмотренную уголовно-процессуальным законом; как систему гарантий от необоснованного уголовного преследования и др. [4; 5. С. 369–370].

Не подлежит сомнению, что, давая свое понятие уголовного процесса в тот или иной период, ученые находились под влиянием уголовной политики государства, сформировавшегося правосознания, трудов о праве и складывающихся общественных отношений в тот или иной период развития общества. При этом взгляд на процесс зависел и зависит от тех задач, которые ставили перед собой исследователи.

Следует согласиться с тем, что понятие уголовного процесса связано с его социальным назначением и определением элементов, его составляющих. Наиболее важными в структуре элементов уголовного процесса, наряду с уголовно-процессуальной деятельностью и уголовно-процессуальными отношениями, являются определение предмета и объекта уголовно-процессуальной деятельности и отношений, его целей и средств [6. С. 19–22]. Не затрагивая категорию предельной общности – цель (назначение) уголовного процесса, остановимся на вопросе оказания влияния на уголовный процесс изменяющихся под влиянием цифровых технологий средств.

При этом надо оговориться о разграничении использования цифровых технологий в той части процесса, которая относится в большей степени к делопроизводству и может быть урегулирована подзаконными нормативными актами, и той части, которая может повлиять на характер уголовно-процессуальной деятельности и складывающихся в процессе этой деятельности правоотношений.

Огромное влияние на развитие уголовного процесса оказало развитие технологий и технологического прогресса. В ходе расследования стали широко применяться фотография, затем кино, видеосъемка как приложение к протоколу; дактилоскопия, различные виды экспертиз и т.д., что породило новые виды следственных действий, регламентация которых была задачей уголовно-процессуального права. И все же эти трансформации не оказали радикального влияния на изменение содержания и формы возникающих правоотношений в самом уголовном судопроизводстве [7. С. 17].

Можем ли мы говорить об изменении природы уголовно-процессуальной деятельности и возникающих в ее процессе правоотношений с внедрением современных информационных технологий в уголовный процесс? Например, участие обвиняемого, подсудимого в судебных заседаниях посредством ВКС изменяет ли саму природу правоотношений, порождает иные правоотношения между участниками уголовного процесса? Представляется, что нет. Здесь применение технологий не изменило уголовно-процессуальные отношения.

Если упрощенно представить возникновение, принятие правовой нормы, это выглядит следующим образом: случай – обычай – традиция – норма права. Норма регулирует сложившиеся относительно устойчивые отношения в обществе.

В частности, сущность и природу уголовного процесса на столь длительное время предопределило изменение правового статуса личности в обществе и государстве, которое стало результатом преобразований в обществе. Ярчайшим примером этого является Декларация независимости США (1776 г.), Французская Декларация прав человека и гражданина (1789 г.), Всеобщая декларация прав человека (1948 г.), которые зафиксировали естественные, неотчуждаемые и священные права человека: свободу, собственность, безопасность и сопротивление угнетению. Безусловно, это непосредственно отразилось и на уголовном процессе. В частности, с принятием этих актов была отменена пытка как способ получения доказательств. Отмена пытки, провозглашение презумпции невиновности предопределили необходимость поиска новых форм и правовых инструментов доказывания, которой в середине XIX века стала теория формальных доказательств, позднее ее сменила теория доказывания по уликам. Появлению последней в немалой степени способствовали достижения технических наук и бурное развитие криминалистики.

Было и еще одно важное обстоятельство, радикально повлиявшее на природу и содержание уголовного процесса, но которое упускается из виду юристами. Именно это обстоятельство дало толчок формализации процесса с точки зрения детализации его процедур, порядка производства как в судебных стадиях, так и во время полицейского расследования. Именно это обстоятельство породило письменную форму досудебного делопроизводства сначала в виде документирования, а затем и в форме дознания / предварительного следствия.

Благодаря кратному увеличению и удешевлению производства бумаги получило распространение бумажное делопроизводство и существующий в большей степени и ныне порядок производства по уголовному делу.

Так уж сложилось в истории нашего государства, что произошедшие революции, репрессии 1930–1950-х гг., а в последующем – ориентация на западные стандарты защиты прав человека, оказали влияние на судебные реформы в целом и на реформу уголовного судопроизводства XX–XXI вв.

Характеристиками уголовно-процессуального права стали: фокусировка на права лиц, вовлекаемых в уголовное судопроизводство, детализация уголовно-процессуальной деятельности как механизм, препятствующий злоупотреблению полномочиями со стороны должностных лиц, расширение полномочий субъектов уголовно-процессуальной деятельности, в том числе суда (судебный контроль), примат допустимости над достоверностью доказательств.

По мнению практических работников и ученых, современный Уголовно-процессуальный кодекс стал превращаться в инструкцию [8. С. 116–117]. Приоритет допустимости над достоверностью в теории доказательств не только не обеспечил интересы личности в уголовном процессе, а привел к обратному результату. Казалось бы, если написать хороший УПК и обеспечить его строгое соблюдение, то восторжествует ПРАВОСУДИЕ. Однако этого не произошло.

В чем же причина? Следует констатировать, что в конце XX – начале XXI в. с появлением цифровых технологий изменились способы получения, сохранения, передачи информации. С одной стороны, скорость работы с информацией увеличилась, а с другой – не были разработаны способы формализации этих процессов применительно к «бумажному» уголовному судопроизводству.

Как уже было сказано, изменения в технологическом прогрессе в XIX и XX вв. существенно не повлияли на способ сохранения и передачи информации. За два столетия следователи прокуроры и судьи от гусиного пера и чернил перешли к шариковой ручке, а потом и к печатной машинке, которую заменил принтер, но всегда все делопроизводство в уголовном процессе фиксировалось на бумаге. Фото, кино-видеозапись, аудиозапись в силу сложности применения, низкого качества и ненадежности фиксации выступали и выступают в качестве приложения к письменному/бумажному документу.

Между тем опосредованное изложение информации, полученное субъектом из внешней среды и обработанное его сознанием, даже при добросовестности субъекта всегда влечет изменение/искажение этой информации. Как следствие, возникает сомнение в достоверности информации. А именно достоверность и была причиной поиска той или иной формы уголовного процесса всю историю цивилизации от «Законов XII таблиц» Древнего Рима [9] до современного «электронного» делопроизводства. Современные технические средства позволяют полностью отказаться от «бумажной» формы делопроизводства и перейти в электронный формат, который будет способствовать большей достоверности в доказывании. Многие страны уже идут по этому пути [10. С. 118–123; 11. С. 99–103; 12. С. 57–61].

Современные социологи, политологи и все, кто занимается информационными технологиями, отмечают,

что государство обязано формировать информационную политику с учетом как технологических инноваций, так и национальных принципов, обычаев и традиций с целью сохранения у представителей данного гражданского общества национальной идентичности и корректного с позиции государства мировоззрения [13. С. 129–130; 14. С. 71–72; 15; 16. С. 6]. Информация становится стратегическим ресурсом и ключевым фактором развития цивилизации. Происходящий на наших глазах лавинообразный процесс глобальной информатизации общества можно квалифицировать как глобальную информационную революцию [17. С. 6–7].

Действительность такова, что XXI в. кроме кратного увеличения объема информации и разительного изменения доступности к ней поставил перед цивилизацией огромную социальную проблему – достоверности информации. Вместе с тем проблема достоверности информации существовала всегда. Однако она никогда не принимала таких масштабов, как сегодня. В предыдущую историю цивилизации существовали различные достаточно эффективные средства цензуры информации, которые обеспечивались государством, церковью и другими социальными институтами.

Следует констатировать, что в современном мире ни статус лица (например, руководителя государств), ни место распространения информации (например, трибуна ООН), ни уровень форума, т.е. форма и порядок представления информации, не являются гарантией ее достоверности.

Интернет, как способ передачи информации, «отодвинул в сторону» прежние технологии и вместе с ними фактически «уничтожил» процедуры, выступавшие в качестве гарантий, достоверности информации. Процедура утратила первоочередное значение [3. С. 5–6]. Порядок в смысле допустимости становится вторичным. Приоритетным становится достоверность информации.

Следует отметить, что если средствами уголовного процесса являются процессуальные и следственные действия, направленные в конечном итоге на получение, сохранение и использование информации для установления обстоятельств дела (предмет уголовно-процессуальной деятельности и правоотношений), то объектом уголовно-процессуальной деятельности и правоотношений становится информация, сведения о фактах [18. С. 48–49]. Мы можем предположить, что изменение способов ее получения, хранения использования, оказывает влияние и на уголовный процесс как на деятельность уполномоченных на то государственных органов и должностных лиц, а также на обеспечение прав участников уголовного процесса. Если современные технологии (видео-, аудио-запись следственных действий) повышают достоверность и проверяемость полученной информации, дают возможность властным субъектам на последующих стадиях убедиться в ее достоверности, то, например, формирование электронного уголовного дела повышает одновременно эффективность уголовного процесса и возможность полно реализовать право участников процесса на ознакомление с материалами уголовного дела, ускоряет производство по делу, делает возможным одновременное ознакомления с материалами дела несколькими участниками.

Одной из актуальных тем, волнующих современное общество, в том числе и юридическую общественность, является стремительное распространение программ искусственного интеллекта (ИИ). Диапазон мнений юристов разнится от позиции, что ИИ-судья заменит человека и это хорошо/плохо [19], до мнения о том, что ИИ в принципе неспособен осуществлять правосудие, а только может выступать в качестве способа поиска информации, подборки судебных решений по разрешаемому правовому спору [20].

Пока российские юристы обсуждают перспективы использования ИИ в правосудии, ряд стран уже столкнулся с проблемой использования ИИ. И как не удивительно, проблема выразилась в том, что ИИ, отвечая на запрос, представляет недостоверную информацию. В погоне придания программному обеспечению работы ЭВМ черт, свойственных человеку, сбой в работе ИИ, связанный с искажением информации, назвали галлюцинацией [21].

Галлюцинации нейросетей – явление, при котором ИИ выдает вымышленную или нелогичную информацию. Эти ошибки часто трудно заметить: текст выглядит грамотным, убедительным и логичным. Но за поверхностной стройностью может скрываться полная дезинформация, о чем свидетельствует правоприменительная практика. Так, в 2023 г. американский адвокат воспользовался ChatGPT для поиска судебных прецедентов. Модель выдала список дел, подтвердив, что они реальны и доступны в юридических базах. Адвокат использовал эти сведения в доказывании по делу. Дальнейшая проверка судом показала, что большая часть дел является вымышленной. Суд, рассматривая возникшую ситуацию, подчеркнул, что применение ИИ-инструментов допустимо только при наличии контроля со стороны юриста. Здесь нельзя заменить работу человека нейросетью: необходимо корректировать результаты ИИ и проверять актуальность судебной практики от сгенерированной информации [22].

Галлюцинации ИИ делятся на три типа. Первый тип – фактические ошибки, т.е. подмена реальных сведений ложными. Второй вариант галлюцинации – сфабрикованный контент или правдоподобно звучащие, но вымышленные истории. И третий – бессмысленные выводы, т.е. грамматически верные, но логически абсурдные ответы. Чем больше развивается ИИ, тем больше он галлюцинирует [23–25].

Надежды на то, что правосудие будет вершиться ИИ, который не подвержен человеческим слабостям и страстям, а потому будет принимать справедливые решения, разбились о старую проблему – недостоверности информации и проблему обеспечения справедливого правосудия. То, что ИИ предоставляет недостоверную информацию, не означает что в будущем судопроизводство откажется от использования электронных технологий и информационных систем.

Кроме этого, при оценке перспектив того или иного гражданского дела с помощью ИИ в гражданском процессе столкнулись с проблемой влияния результатов ИИ на внутреннее убеждение судьи, поскольку ИИ перспективу удовлетворения исков оценивает исходя из типо-

вых ситуаций, не всегда учитывая особенности конкретных гражданских дел [26. С. 705]. Несмотря на то что современному обществу уже не обойтись без электронных помощников в возросших информационных процессах, возникает вопрос о пределах использования ИИ в уголовном судопроизводстве.

Еще три десятилетия тому назад и мысли не могло возникнуть о переходе с бумажного в электронный формат производства по уголовному делу. А сегодня никого не удивит учебником об электронных доказательствах в уголовном процессе [27].

Следует констатировать, что наиболее рутинные процессы по составлению процессуальных документов в уголовном производстве, например о признании лица потерпевшим, составление протоколов, которые фиксируют простые действия, например протоколы об ознакомлении с материалами уголовного дела, постановления о принятии дела к производству, поручения о производстве расследования группой следователей, постановления о назначении судебных заседаний, возможно осуществлять в автоматическом режиме с помощью ИИ. Однако принятие наиболее важных решений: постановлений о привлечение лица в качестве обвиняемого, написание обвинительных заключений, вынесение судебных решений, необходимо оставить за субъектами доказывания, поскольку эти решения предполагают неурегулированный нормами права мыслительный процесс по оценке полученной информации.

В эпиграф данной статьи вынесена идея И. Бенгама, смысл которой в том, что сущность уголовного судопроизводства заключается в использовании доказательств. Сегодня законодатель под доказательствами понимает в ч. 1 ст. 74 УПК РФ любые сведения. Современные словари русского языка под информацией понимают «сведения об окружающем мире и протекающих в нем процессах, воспринимаемые и передаваемые людьми устным, письменным или другим способом (с помощью условных сигналов, технических средств и т.д.)» [28]. Вполне возможно, что если бы УПК РФ принимался не в 2000 г., а лет на десять – пятнадцать позже, то в понятии доказательств использовали не слово «сведения», а «информация», что не меняет сущности информационной природы доказательств.

Все наши рассуждения подводят к мысли о том, что уголовный процесс можно и должно рассматривать как разновидность информационного процесса. Информационные процессы – это любые действия, заключающиеся в получении, создании, собирании (получении), передаче, хранении и обработке информации [29. С. 482]. При этом обработка этой информации, как построение схемы полученной информации (доказательств), уже оцененной субъектом доказывания, как относимой, допустимой и достоверной, с целью ее оценки как достаточной, также может быть доверена ИИ. Однако окончательная оценка информации для вынесения обвинительного или оправдательного приговора должна осуществляться субъектом доказывания с мотивировкой, почему на основе этих доказательств принимается то или иное решение.

Использование ИИ и автоматизированных систем обработки информации в уголовном процессе нуждается в регулировании пределов такого использования.

Как представляется, доктринальное понимание современного уголовного процесса должно исходить из его информационной сущности.

При информационной сущности/природе уголовного процесса приоритетным становится обнаружение, сохранение, передача и использование достоверной информации. Исходя из вышесказанного предлагается следующее понятие уголовного процесса: уголовный процесс – это регламентированная государством деятельность

по сборанию, проверке, сохранению, передаче и использованию информации о преступлении и лицах, его совершивших, с целью осуществления правосудия, реализуемая посредством уголовно-процессуальных отношений, урегулированных нормами уголовно-процессуального права.

Мы прекрасно понимаем, что изменение понятия уголовного процесса поставит не одну задачу по пересмотру как всего производства по делу, так и отдельных процедур. Мы далеки от иллюзий, что наш подход безупречен, мы можем заблуждаться. Как оказалось, это свойственно даже ИИ.

Список источников

- Смирнов А.В., Калиновский К.Б. Уголовный процесс : учеб. для вузов. М. : Норма: ИНФРА-М, 2022. 784 с.
- Курс уголовного процесса / под ред. Л.В. Головки. М. : Статут, 2017. 1280 с.
- Баранов А.М. Уголовно-процессуальная политика России: современные вызовы // Актуальные проблемы уголовной и уголовно-процессуальной политики Российской Федерации : материалы Междунар. науч.-практ. конф. (Омск, 22 апреля 2022 г.). Омск, 2023. С. 3–7.
- Андреева О.И., Баранов А.М., Деришев Ю.В. Понятие и назначение уголовного судопроизводства. Источники уголовно-процессуального права : учеб. пособие. Томск : Изд-во Том. гос. ун-та, 2025. 120 с.
- Баранов А.М. Понятие уголовного процесса // Научный вестник Омской академии МВД России. 2024. Т. 30, № 4 (95). С. 369–372.
- Давлетов А.А., Азаренок Н.В. Уголовный процесс России: исторические корни, современное состояние, перспективы эволюционного развития. Екатеринбург, 2023. С. 504.
- Головки Л.В. Цифровизация в уголовном процессе: локальная оптимизация или глобальная революция? // Вестник экономической безопасности. 2019. № 1. С. 15–25.
- Россинский С.Б. Уголовно-процессуальная форма VS правила уголовно-процессуального делопроизводства // Труды Института государства и права РАН. 2013. Т. 18, № 1. С. 116–135.
- Законы XII таблиц. URL: <https://ancientrome.ru/ius/i.htm?a=1446588975> (дата обращения: 19.08.2025).
- Зуев С.В. Цифровая среда уголовного судопроизводства: проблемы и перспективы // Сибирский юридический вестник. 2018. № 4. С. 118–123.
- Хилькевич В.В. Электронное уголовное дело: опыт зарубежных стран // Категория законного интереса в отраслях публичного и частного права. Витебск : Витеб. гос. ун-т им. П.М. Машерова, 2022. С. 99–103.
- Андреева О.И., Зайцев О.А. Перспективы ведения российского уголовного судопроизводства в электронном формате // Уголовная юстиция. 2018. № 12. С. 57–61.
- Ковалев А.А. Роль информационной политики в управлении государством и формировании национальной безопасности // НОМОТНЕТИКА: Философия. Социология. Право. 2024. № 49 (1). С. 129–138.
- Мещеряков И.В. Роль СМИ в государственной информационной политике по обеспечению национальной безопасности // Наука Красноярья. 2016. № 6 (39). С. 70–82.
- Нисневич Ю.А. Информация и власть. М. : Мысль, 2000. 175 с.
- Нестерова Н.Н., Смыслова О.Ю. Государственная информационная политика в новых условиях развития современного общества // ЭФО: Экономика. Финансы. Общество. 2022. № 1. С. 6–18.
- Коллин К.К. Овладение информацией – стратегическая проблема развития цивилизации в XXI веке // Межотраслевая информационная служба. 2013. № 2. С. 5–15.
- Курс советского уголовного процесса. Общая часть / под ред.: А.Д. Бойкова, И.И. Карпеца. М. : Юрид. лит., 1989. С. 638.
- Кравчук Н.В. Искусственный интеллект как судья: перспективы и опасения. URL: <file:///C:/Users/SuperUser/Downloads/iskusstvennyy-intellekt-kak-sudyu-perspektivy-i-opaseniya.pdf> (дата обращения: 19.08.2025).
- В Верховном Суде объяснили, почему ИИ не заменит судей. URL: <https://tass.ru/politika/23707211> (дата обращения: 19.08.2025).
- Орбелиани М. Креативный компромисс: галлюцинации нейросетей неизбежны и являются компромиссом между креативностью и точностью работы модели. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/7753908> (дата обращения: 19.08.2025).
- ChatGPT обманул опытного адвоката, придумав прецеденты, которых в реальности не было. Теперь адвокату грозит наказание. URL: https://www.cnews.ru/news/top/2023-05-29_chatgpt_obmanul_opytnejshogo (дата обращения: 19.08.2025).
- Алгоритм обмана. Почему ИИ выдает вымыслы за факты и скорее придумывает что-то, чем признается, что не может ответить. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/7737738> (дата обращения: 19.08.2025).
- Ошибки ИИ в праве: обзор прецедентов – читайте на Platforma Media. URL: <https://platforma-online.ru/media/detail/oshibki-ii-v-prave-obzor-pretседentov/> (дата обращения: 19.08.2025).
- «Галлюцинации» ИИ в судебных документах создают проблемы для юристов. URL: <https://habr.com/ru/news/884214/> (дата обращения: 19.08.2025).
- Адешенко К.Д. Возможности искусственного интеллекта в гражданском процессе // Экономика. Информатика. 2023. Т. 50, № 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vozmozhnosti-iskusstvennogo-intellekta-v-grazhdanskom-protsessе/viewe> (дата обращения: 19.08.2025).
- Электронные доказательства в уголовном судопроизводстве : учеб. для вузов / отв. ред. С.В. Зуев. М. : Юрайт, 2025. 193 с. (Высшее образование // Образовательная платформа Юрайт [сайт]. URL: <https://urait.ru/bcode/567334> (дата обращения: 19.08.2025).
- Большой Энциклопедический словарь. URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/enc3p/140202?ysclid=mf2d8pc2tu782454719> (дата обращения: 19.08.2025).
- Рукосуева А.А., Клешко И.И., Суегин В.В. Информационные процессы // Актуальные проблемы авиации и космонавтики. 2022. Т. 2. С. 482–484.

References

- Smirnov, A.V. & Kalinovskiy, K.B. (2022) *Ugolovnyy protsess* [Criminal Procedure]. Moscow: Norma: INFRA-M.
- Golovko, L.V. (ed.) (2017) *Kurs ugolovnogo protsessа* [Course of Criminal Procedure]. Moscow: Statut.
- Baranov, A.M. (2023) *Ugolovno-protsessual'naya politika Rossii: sovremennye vyzovy* [Criminal Procedure Policy of Russia: Modern Challenges]. *Aktual'nye problemy ugolovnoy i ugolovno-protsessual'noy politiki Rossiyskoy Federatsii* [Current Problems of Criminal and Criminal Procedure Policy of the Russian Federation]. Proc. of the Conference. Omsk, April 22, 2022. Omsk. pp. 3–7.

4. Andreeva, O.I., Baranov, A.M. & Derishev, Yu.V. (2025) *Ponyatie i naznachenie ugovolnogo sudoproizvodstva. Istochniki ugovolno-protsessual'nogo prava* [Concept and Purpose of Criminal Proceedings. Sources of Criminal Procedure Law]. Tomsk: Tomsk State University.
5. Baranov, A.M. (2024) *Ponyatie ugovolnogo protsessa* [The Concept of Criminal Procedure]. *Nauchnyy vestnik Omskoy akademii MVD Rossii*. 30 (4/ (95)). pp. 369–372.
6. Davletov, A.A. & Azarenok, N.V. (2023) *Ugovolnyy protsess Rossii: istoricheskie korni, sovremennoe sostoyanie, perspektivy evolyutsionnogo razvitiya* [Criminal Procedure in Russia: Historical Roots, Current State, Prospects for Evolutionary Development]. Yekaterinburg: [s.n.].
7. Golovko, L.V. (2019) *Tsifrovizatsiya v ugovolnom protsesse: lokal'naya optimizatsiya ili global'naya revolyutsiya?* [Digitalization in Criminal Procedure: Local Optimization or Global Revolution?]. *Vestnik ekonomicheskoy bezopasnosti*. 1. pp. 15–25.
8. Rossinskiy, S.B. (2013) *Ugovolno-protsessual'naya forma VS pravila ugovolno-protsessual'nogo deloproizvodstva* [Criminal Procedure Form VS Rules of Criminal Procedure Record Keeping]. *Trudy Instituta gosudarstva i prava RAN*. 18 (1). pp. 116–135.
9. Ancientrome.ru. (n.d.) *Zakony XII tablits* [Laws of the Twelve Tables]. [Online] Available from: <https://ancientrome.ru/ius/i.htm?a=1446588975> (Accessed: 19th August 2025).
10. Zuev, S.V. (2018) *Tsifrovaya sreda ugovolnogo sudoproizvodstva: problemy i perspektivy* [Digital Environment of Criminal Proceedings: Problems and Prospects]. *Sibirskiy yuridicheskiy vestnik*. 4. pp. 118–123.
11. Khilkevich, V.V. (2022) *Elektronnoe ugovolnoe delo: opyt zarubezhnykh stran* [Electronic Criminal Case: Experience of Foreign Countries]. In: Bochkov, A.A. et al. (eds) *Kategoriya zakonnoho interesa v otraslyakh publichnogo i chastnogo prava* [Category of Legitimate Interest in Branches of Public and Private Law]. Vitebsk: Vitebsk State University. pp. 99–103.
12. Andreeva, O.I. & Zaytsev, O.A. (2018) *Perspektivy vedeniya rossiyskogo ugovolnogo sudoproizvodstva v elektronnom formate* [Prospects for Conducting Russian Criminal Proceedings in Electronic Format]. *Ugovolnaya yustitsiya – Russian Journal of Criminal Law*. 12. pp. 57–61.
13. Kovalev, A.A. (2024) *Rol' informatsionnoy politiki v upravlenii gosudarstvom i formirovani natsional'noy bezopasnosti* [The Role of Information Policy in State Governance and National Security Formation]. *NOMOTHETIKA: Filosofiya. Sotsiologiya. Pravo*. 49 (1). pp. 129–138.
14. Meshcheryakov, I.V. (2016) *Rol' SMI v gosudarstvennoy informatsionnoy politike po obespecheniyu natsional'noy bezopasnosti* [The Role of the Media in State Information Policy for National Security]. *Nauka Krasnoyars'ya*. 6 (39). pp. 70–82.
15. Nisnevich, Yu.A. (2000) *Informatsiya i vlast'* [Information and Power]. Moscow: Mysl'.
16. Nesterova, N.N. & Smyslova, O.Yu. (2022) *Gosudarstvennaya informatsionnaya politika v novykh usloviyakh razvitiya sovremennoho obshchestva* [State Information Policy in the New Conditions of Modern Society Development]. *EFO: Ekonomika. Finansy. Obshchestvo*. 1. pp. 6–18.
17. Kolin, K.K. (2013) *Ovladenie informatsiey – strategicheskaya problema razvitiya tsivilizatsii v XXI veke* [Mastering Information – A Strategic Problem of Civilization Development in the 21st Century]. *Mezhotraslevaya informatsionnaya sluzhba*. 2. pp. 5–15.
18. Boykov, A.D. & Karpets, I.I. (eds) (1989) *Kurs sovetskogo ugovolnogo protsesssa. Obshchaya chast'* [Course of Soviet Criminal Procedure. General Part]. Moscow: Yuridicheskaya literatura.
19. Kravchuk, N.V. (n.d.) *Iskusstvennyy intellekt kak sud'ya: perspektivy i opaseniya* [Artificial Intelligence as a Judge: Prospects and Concerns]. *Sotsial'nye i gumanitarnye nauki. Otechestvennaya i zarubezhnaya literatura. Ser. 4, Gosudarstvo i pravo*. 1. pp. 115–122.
20. TASS. (n.d.) *V Verkhovnom Sude ob'yasnili, pochemu II ne zamenit sudey* [The Supreme Court Explained Why AI Will Not Replace Judges]. 17th April. [Online] Available from: <https://tass.ru/politika/23707211> (Accessed: 19th August 2025).
21. Orbeliani, M. (2025) *Kreativnyy kompromiss: gallyutsinatsii neyrosetey neizbezhny i yavlyayutsya kompromissom mezhdru kreativnost'yu i tochnost'yu raboty modeli* [Creative Compromise: Neural Network Hallucinations Are Inevitable and Represent a Compromise Between Creativity and Model Accuracy]. *Kommersant*. 27th May. [Online] Available from: <https://www.kommersant.ru/doc/7753908> (Accessed: 19th August 2025).
22. *CNews.ru*. (2023) *ChatGPT obmanul opytneyshego advokata, pridumav pretседenty, kotorykh v real'nosti ne bylo. Teper' advokatu grozit nakazanie* [ChatGPT Deceived the Most Experienced Lawyer by Inventing Precedents That Did Not Exist in Reality. Now the Lawyer Faces Punishment]. 29th May. [Online] Available from: https://www.cnews.ru/news/top/2023-05-29_chatgpt_obmanul_opytneyshego (Accessed: 19th August 2025).
23. *Kommersant*. (2023) *Algoritm obmana. Pochemu II vydaet vymysly za fakty i skoree pridumyvaet chto-to, chem priznayetsya, chto ne mozhet otvetit'* [Deception Algorithm. Why AI Presents Fabrications as Facts and Prefers to Invent Something Rather Than Admit It Cannot Answer]. 23rd May. [Online] Available from: <https://www.kommersant.ru/doc/7737738> (Accessed: 19th August 2025).
24. *Platforma-online.ru*. (2025) *Oshibki II v prave: obzor pretседentov – chitayte na Platforma Media* [AI Errors in Law: Review of Precedents – Read on Platforma Media]. 26th August. [Online] Available from: <https://platforma-online.ru/media/detail/oshibki-ii-v-prave-obzor-pretседentov/> (Accessed: 19th August 2025).
25. *Habr*. (2025) *"Gallyutsinatsii" II v sudebnykh dokumentakh sozdadyut problemy dlya yuristov* ["Hallucinations" of AI in Court Documents Create Problems for Lawyers]. 20th February. [Online] Available from: <https://habr.com/ru/news/884214/> (Accessed: 19th August 2025).
26. Adeshchenko, K.D. (2023) *Vozmozhnosti iskusstvennogo intellekta v grazhdanskom protsesse* [Possibilities of Artificial Intelligence in Civil Procedure]. *Ekonomika. Informatika*. 50 (3). pp. 704–711.
27. Zuev, S.V. (ed.) (2025) *Elektronnye dokazatel'stva v ugovolnom sudoproizvodstve* [Electronic Evidence in Criminal Proceedings]. Moscow: Yurayt.
28. Academic.ru. (n.d.) *Bol'shoy Entsiklopedicheskiy slovar'* [Great Encyclopedic Dictionary]. [Online] Available from: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/enc3p/140202?ysclid=mf2d8pc2tu782454719> (Accessed: 19th August 2025).
29. Rukosueva, A.A., Kleshko, I.I. & Suetin, V.V. (2022) *Informatsionnye protsessy* [Information Processes]. *Aktual'nye problemy aviatsii i kosmonavтики*. 2. pp. 482–484.

Информация об авторах:

Андреева О.И. – доцент, доктор юридических наук, директор Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: andreevaoi_70@mail.ru

Баранов А.М. – профессор, доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного процесса, криминалистики и судебной экспертизы Юридического института Южно-Уральского государственного университета (Челябинск, Россия). E-mail: baranowam@list.ru

Кудрявцева А.В. – профессор, доктор юридических наук, судья Санкт-Петербургского городского суда, профессор кафедры уголовно-процессуального права Северо-Западного филиала РГУП им. В.М. Лебедева (Санкт-Петербург, Россия). E-mail: acifna@mail.ru

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Information about the authors:

O.I. Andreeva, Dr. Sci. (Law), docent, head of the Institute of Law, National Research Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: andreevaoi_70@mail.ru

A.M. Baranov, Dr. Sci. (Law), full professor, professor at the Department of Criminal Procedure, Criminalistics, and Forensic Examination, Institute of Law, South Ural State University (Chelyabinsk, Russian Federation). E-mail: baranowam@list.ru

A.V. Kudryavtseva, Dr. Sci. (Law), full professor, judge of the St. Petersburg City Court, professor at the Department of Criminal Procedure Law, North-Western Branch of the Lebedev Russian State University of Justice (St. Petersburg, Russian Federation). E-mail: acifna@mail.ru

The authors declare no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 28.10.2025;
одобрена после рецензирования 05.12.2025; принята к публикации 19.12.2025.*

*The article was submitted 28.10.2025;
approved after reviewing 05.12.2025; accepted for publication 19.12.2025.*